

Письма Н.Н. Никандрова Е.Л. Янтареву

Предисловие, публикация, примечания М.В. Михайловой

Николай Никандрович Никандров (наст. фамилия Шевцов, 1878-1964) – писатель, начавший печататься в начале XX века, довольно интенсивно публиковавшийся в 20-е годы. Своеобразие его творческой манеры сразу бросилось в глаза: многочисленные детали, тщательно выписанные подробности быта, вязкий сюжет. Но это не натуралистическое бытописание, а «новая вещественность», где все подчинено главной задаче: выработке особой выразительности, созданию экспрессивной атмосферы, в которой остановившееся время готовится взорваться и разрушить сонное бытие. С ним А.И. Куприн связывал надежды на обновление русской литературы. Его первые шаги поддержал М.Горький. Казалось бы, имелись все основания развивать найденные приемы, тем более, что они предвосхитили течение веризма в европейском искусстве. Однако его творческий путь неожиданно завершился в середине 30-х годов, потому что, как он сам позднее признавался в одном из писем: “Меня губит, если же сказать, погубила, <...> сатира ...”^а. Действительно, по определению одного из критиков, «тоскующий весельчак» Никандров не мог вписаться в бодрую настроенность советской литературы и, по сути, выпал из нее на долгое время. Вернуться он смог уже только в конце 50-х годов, да и то только дореволюционными произведениями.

Публикуемые ниже письма относятся к периоду, когда Никандров только вступал в литературу. Обращенные к поэту Е. Янтареву (наст. фамилия Бернштейн, 1880-1942), которого считал старшим товарищем, поскольку тот печатался уже с 1901 г., они ярко раскрывают мироощущение Никандрова тех дней, смену настроений, чередование веры в свои способности с унынием и безнадежностью. Кроме того, они дают представление еще об одной стороне жизни Никандрова – революционной. Дело в том, что Никандров – профессиональный революционер, примыкавший к партии эсеров, неоднократно арестовываемый, преследуемый, вынужденный скрываться под чужой фамилией. Благословленный на террористическую деятельность «бабушкой русской революции» Е.Брешко-Брешковской, он состоял членом боевых эсеровских дружин, помог совершить один из побегов Б.Савинкову. Самое громкое его дело - подготовка убийства главного командира Черноморского флота адмирала Г.Чухнина, который был приговорен севастопольской организации социал-революционеров к смерти за отказ помиловать лейтенанта П.Шмита и других “очаковцев”. Никандров разработал план всей

---

^а РГАЛИ. Ф.1452. Оп 1. Ед.хр. 154. Письмо Вьюркову 18 декабря 1950.

операции, инструктировал матроса Акимова, который и привел приговор в исполнение, а потом помог тому скрыться. Такая жизнь, в свою очередь, увлекала и не позволяла отдаться полностью литературному труду. К тому же революционное окружение Никандрова с осуждением смотрело на занятия литературой, считая это делом несерьезным, поэтому он вынужден был скрывать свое увлечение.

А о том, насколько оно было сильно, так же говорят публикуемые письма, интересные еще и тем, что помогают понять, как формировалась манера Никандрова, как он энергично выбирал, что же ему ближе – импрессионистический стиль символистского журнала «Перевал» или реалистическая тенденция «Современного мира». Письма показывают к тому же, как хорошо разбирался Никандров в современной ему литературе, сколь широк был круг его чтения. Это особенно важно, что позже Никандров усиленно поддерживал миф о своей некультурности и необразованности. Он любил повторять, что самыми тягостными минутами в общении с Куприным были для него те, когда известный писатель «с упоением» начинал «наизусть» цитировать Гамсуна, Чехова, Толстого, постоянно спрашивая при этом: «А помните еще такие-то прелестные кусочки из такого-то автора?»^b. Как мы видим из писем Янтареву он читал Гамсуна, восхищался Чеховым. А знание творчества Л.Н.Толстого было таким, что великий писатель на написанное ему в январе 1898 г. письмо неизвестного студента Шевцова ответил приглашением к себе и долгим разговором с ним!

Письма Н.Н.Никандрова хранятся в РГАЛИ. Ф.1714. Оп. 1. Ед. хр. 15 и печатаются по современной орфографии и пунктуации.

I

[1904. 6 сентября. Севастополь] Л. 7-8.

Ваше письмо, дорогой Ефим Львович, письмо давно ожидаемое, я наконец получил. Вполне разделяю Вашу радость. Особенно приятно то, что Вы чувствуете себя лучше, а «чахотки и в помине нет». Если бы я это писал фельетон, я бы добавил: «В здоровом теле, здоровый дух»^{c1}. Ваши литературные успехи тоже должны на Вас повлиять благотворно и вдохновить на дальнейшие подвиги. Это Вы чувствуете. Это укрепит Вашу веру в свои силы. Давай Вам Бог. Еле-еле сдерживаю себя, чтобы не сказать еще что-то по поводу писания вообще, а стихов в частности... Это «что-то» Вам известно, и я еще с ним буду приставать к Вам.

^b РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Ед.хр. 146. Л. 3, 3 (об.). Письмо С.Н.Сергееву-Ценскому от 24 июня 1957 г.

^c Или если бы я был Темтовичем.

Вы знаете, как меня интересует общественная жизнь и литература, поэтому убедительно прошу Вас сообщать мне все интересное и новое в этой области. А что написать, у Вас всегда найдется, ибо Вы имеете возможность получать ценный материал от соприкосновения с «большими писателями» и пр. Пишите поразборчивее. Так о Никитиче² никаких сведений не имеете?

Весьма и весьма любопытно, что скажет Вам редакция «Правды»³ о моей комедии... Смотрите, добейтесь-таки от них таки категорического ответа, и в случае отказа любопытна мотивировка. А то идет уже 3-ий месяц! (послана 1-го июля). Благодарю, что зашли в редакцию, и жду ответа. Несмотря на крайне неблагоприятные условия (поездки, безденежье, болезни, набеги полиции и пр.) я написал тут один рассказ около печатного листа. А Андрусон⁴, по-видимому, хочет взять меня измором... не печатает, сукин сын! Да, напишите, кто редактирует беллетристику в «Правде» и кто публицистику? Как прочен этот журнал? Напишите о Горьком, Андрееве и пр. Были ли Вы на могиле Чехова?⁵ Вероятно. А если нет – непростительно это... Но, конечно, были. Мне, где бы я ни был, всегда пишите на Севастополь. Как и раньше я говорил, так и теперь повторяю, что до октября место моей зимовки не определится. Где Вы будете зимовать? Не забудьте присылать мне все, что будет печатано из Ваших вещей. Преду мной июньская «Русс[кая] мысль» и в ней отзывы о книге Чулкова⁶ и об Альманахе «Грифа»⁷. О «Гриф» пишут: «25 авторов и одна авторша»⁸ (Альманаха) умилительно похожи друг на друга... О Чулкове: «... Чулков безнадежен: видно, что ему никогда не избавиться от желания писать «как такой-то (как Бальмонт, как Андреев), никогда не избавиться от полного уничтожения своей личности в пользу того, что в спросе...» То есть о нем говорят, что он тоже похож на «25 и одну»⁹. Разумеется, там много его ругают, но это сказано, по-моему, дельно. Индивидуальность свою пишущий должен отстаивать, это и есть талант.

Жду вести. Ваш друг.

Пишите.

Приписка на первой странице: Пишите!

Приписка на второй и третьей странице: Что-ниб[удь] имеете из Нижнего?¹⁰ Что? Читаю Гомо Сапиенс¹¹.

II

[1904. 16 сентября. Севастополь] Л. 4-5.

Я хорошо понимаю Вас, дорогой Ефим Львович, Ваше настроение, ибо сам бывал в подобном состоянии не однажды. Таковы уж условия нашего российского, общероссийского